Volkhovskii, F.

Kak muzhik u vsiekh v dolgu ostalsia

S.- Peterburg

1906

# BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
## PRESERVATION OFFICE
## CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

## RLG GREAT COLLECTIONS
## MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
## JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCl00051.04

Control Number: ADY-2151
OCLC Number : 30481125
Call Number : W 381.5917L T588s no. 2
Author : Volkhovskii, F. (Feliks), 1846-1914.
Title : Kak muzhik u vsiekh v dolgu ostalsia: skazka / napisal F. Volkhovskii.
Imprint : S.-Peterburg : [s.n.], 1906.
Format : 32 p. ; 17 cm.
Subject : Fairy tales Russia.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: AR

# Какъ мужикъ у всѣхъ въ долгу остался.

СКАЗКА.

Написалъ Ф. Волховскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

# КАКЪ МУЖИКЪ У ВСѢХЪ ВЪ ДОЛГУ ОСТАЛСЯ.

СКАЗКА.

Написалъ Ѳ. Волховскій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

# КАКЪ МУЖИКЪ У ВСѢХЪ ВЪ ДОЛГУ ОСТАЛСЯ.

## СКАЗКА.

(Написалъ Ф. Волховскій).

Жилъ-былъ на свѣтѣ мужикъ съ бабой да чортъ. У мужика всего было довольно, а у чорта ничего нѣтъ, потому что изъ чорта какой же работникъ?!— да и не работа у него на умѣ. Вотъ и стало чорту завидно. Пойду, думаетъ, погляжу, откуда у мужика достатокъ берется. Пошелъ и видитъ — мужикъ землю пашетъ.

— Зачѣмъ это ты землю ковыряешь? спрашиваетъ чортъ мужика.

— А вотъ вспашу, да засѣю; рожь матушка взойдетъ, да вызрѣетъ. Я ее скошу, да въ стоги сложу; придетъ время — вымолочу; еще высушу, да муки намелю, а баба хлѣба напечетъ, да и пива наваритъ и будетъ намъ во здравіе и во удовольствіе.

— А мнѣ много-ли дашь? спрашиваетъ чортъ.

— Вотъ, дурака нашелъ! отвѣчаетъ мужикъ.— Съ чего это я тебѣ, чорту поганому, добро буду отдавать? Паши самъ!

Досадно стало чорту. „Ну, да ничего!“ думаетъ. „Пусть только мужикъ скоситъ хлѣбъ, я у него всю жатву украду!“ Сталъ онъ сторожить мужика.

А мужикъ, скосивши рожь, повязалъ ее въ снопы, да, пока что, крестъ на крестъ въ полѣ и положилъ. Чорту-то и нельзя подступиться: пришелъ онъ ночью воровать—пощелкалъ-пощелкалъ зубами, съ тѣмъ и ушелъ.

Досаднѣй прежняго ему стало. „Ну, да ничего!“ думаетъ: „я у мужика коня сведу. Ему безъ коня-то ни тпру, ни ну“!

Выбралъ онъ ночь потемнѣе, прокрался къ мужику подъ навѣтъ. Да и мужикъ-то тоже не промахъ: онъ къ коню козла поставилъ. Какъ почуялъ чортъ козлиный духъ, такъ и рыломъ закрутилъ: непереносенъ, вишь ты, ему козлиный духъ! Не выдержалъ чортъ и малаго времени: выскочилъ изъ подъ навѣти, давай чихать!

Озлобился чортъ. „Коли“, думаетъ, „самъ я никакими средствіями доканать тебя не могу, такъ я знаю, кого на тебя напустить!“

И сталъ онъ выдумывать. Думалъ—думалъ и выдумалъ кулака. Отростилъ ему брюхо, сапоги бураками на него надѣлъ, бумажникъ съ деньгами далъ, божиться выучилъ и пустилъ: „ступай!“ — а самъ

глядитъ, куда кулакъ пойдетъ. А тотъ прямехонько къ мужику.

Какъ увидѣлъ это чортъ, такъ и затрясся отъ радости! „Ха-ха!.. Вотъ теперь я закурю! Какъ купитъ кулакъ у мужика землю, тутъ я мужику на шею и сяду: потому безъ земли онъ, что безъ рукъ!“ Продѣлъ чортъ хвостъ между ногъ, взялъ кончикъ въ зубы и побѣжалъ скорехонько слѣдомъ за кулакомъ—поглядѣть, что будетъ.

Пришелъ кулакъ къ мужику:

— Здорово, братанъ!

— Здорово!

— Продай мнѣ свой хлѣбъ.

— Мнѣ самому надо.

— Ну, землю продай.

— Зачѣмъ я ее стану продавать?

— А ты на тѣ деньги всякаго добра накупишь.

— На что мнѣ твое добро? У меня всего довольно; все домашнее. Я и сытъ, и одѣтъ, и прикрытъ, и обутъ. А стихъ найдетъ — я и жилейку самъ сдѣлаю, пѣсню съиграю. Такъ то. Ни въ чемъ я не нуждаюсь и пока земля-матушка при мнѣ—никогда нуждаться не стану!

— Такъ что-же, говоритъ кулакъ, помирать мнѣ теперь съ голоду, что-ли? Денегъ у меня много, а хлѣба нѣтъ!

— Самъ паши, отвѣчаетъ мужикъ.

— Чудакъ ты, опять уреазониваетъ кулакъ. Я къ этому дѣлу непревыченъ. Да хотя бы и занялся хлѣбопашествомъ, вѣдь на это время надо, пока

хлѣбъ вызрѣетъ, да высохнетъ, да смелю я его, да испеку, такъ десять разъ съ голоду померетъ успѣю.

— Ну, говоритъ мужикъ, зачѣмъ помирать. По сусѣдски тоже живемъ. Эй, жена, дай купцу по сусѣдству хлѣбушка, да лучку, да крупки, да бражки, да еще тамъ чего припасено, чтобы ему до своего хлѣба дотянуть!

Взялъ кулакъ, чего дали, пошелъ на прежнее мѣсто. А чортъ ужъ тамъ, только больше не радуется: и хвостъ изо рта выронилъ, и слюни распустилъ. Сталъ тутъ его кулакъ ругать: „Какой ты“, кричитъ, „чортъ! Нешто такіе черти бываютъ?! У настоящаго чорта сноровка есть, а у тебя что?! Вотъ ты мнѣ капиталъ далъ, а что въ томъ толку, когда мужикъ ничего продавать не хочетъ. Ты на него нужду нашли, тогда—иное дѣло; тогда онъ не ту пѣсню запоетъ!“

Насторожилъ чортъ уши. „Умное“, говоритъ, „ты, господинъ кулакъ, слово сказалъ! Умное слово!“

И сталъ онъ опять думать. Думалъ—думалъ, и выдумалъ барина. Надѣлъ на него штиблеты, галстухъ голубой повязалъ, на жилетъ золотую цѣпочку повѣсилъ и пустилъ: „иди“!

А баринъ какъ только на свои ноги сталъ, такъ поднялъ носъ кверху и давай нюхать, откуда ржанымъ хлѣбомъ пахнетъ? Какъ разобралъ, такъ и зашагалъ въ ту сторону—ужъ знаетъ, что мужикъ тамъ долженъ быть.

Пришелъ.

— Здорово, говоритъ, мужичокъ! Каково обязанности свои справляешь?

— Ничего, отвѣчаетъ Иванъ; — живемъ, хлѣбъ жуемъ, бражкой запиваемъ, за сохой день коротаемъ; придетъ ночь—храпи, сколько хочь!

Засмѣялся баринъ. — Веселый, говоритъ, ты мужикъ! Это хорошо: у веселаго мужика работа спорѣй идетъ. А много ли кортомы припасъ?

— Какой-такой кортомы? За что?

— За землю, отвѣчаетъ баринъ. Земля-то, вѣдь, моя.

— Давно-ли она твоя? спрашиваетъ мужикъ и воззрился на барина.

— Она и всегда была моя, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я на свѣтѣ очутился.

— А давно ли ты на свѣтѣ? опять спрашиваетъ мужикъ—твоимъ барскимъ дерьмомъ еще не пахло, а ужъ я ее, матушку, пахалъ да охаживалъ!

Разгорячился тутъ баринъ.—Какъ, говоритъ, ты смѣешь мнѣ грубить!? И что ты городишь про пашню! Извѣстное дѣло, что ты обязанъ землю пахать, потому что ты мужикъ. А владѣть землею долженъ я, — а иначе, самъ ты своею дурацкой башкой разсуди, — зачѣмъ бы я на свѣтѣ баринъ былъ? Баринъ затѣмъ и на свѣтѣ завелся, чтобы землей владѣть.

— Ну что пустое болтать, огрызнулся и мужикъ.— Земля, братъ, ни твоя, ни моя, а мірская. Кто ее пашетъ, тотъ ею и владѣетъ.

— Коли такъ, кричитъ баринъ, коли ты не хочешь мнѣ кортомы платить, такъ я у тебя землю отберу.

— Какъ же это ты отберешь? спрашиваетъ мужикъ, а самъ смѣется.

— А вотъ сяду на свою землю и не смѣешь ты ее пахать!

— Попробуй, говоритъ мужикъ, а самъ пуще смѣется.

Обозлился баринъ. Выбѣжалъ на самую середину поля и сѣлъ; сидитъ. А мужикъ и вниманія не обращаетъ. Пошелъ, запрегъ свою Сивку, давай пашню пахать; съ самаго края и началъ. Пашетъ, борозду за бороздой проводитъ, а баринъ сидитъ. Наконецъ допахалъ мужикъ вплоть до барина и пошелъ сохой прямо на него. Баринъ все сидитъ. Подошелъ мужикъ вплоть, подвелъ рѣзакъ подъ барина — всего исцарапалъ! Схватился баринъ за задъ обѣими руками, да и сковырнулся въ сторону. Позеленѣлъ отъ злости: и больно-то ему, и обидно-то! Вскочилъ онъ на ноги, себя позабылъ: лѣвой рукой сзади держится, правой къ мужичьей бородѣ лѣзетъ: „я-те покажу", кричитъ, „какъ противъ барина бунтовать!"...

А мужикъ остановилъ коня, бросилъ соху, схватилъ барина за шиворотъ, какъ дастъ ему колѣнкой, такъ и полетѣлъ баринъ черезъ горы, черезъ долы, черезъ поля, черезъ рѣки, ровно пуля изъ ружья. Летѣлъ—летѣлъ да передъ чортомъ опять, какъ вкопанный, и сталъ. Стоитъ и пыхтитъ съ сердцовъ, а чортъ на него, ровно виноватый, смотритъ.

— Ты что-же это? закричалъ баринъ;—на свѣтъ меня произвелъ, а мужикъ меня слушать не хочетъ! Это развѣ порядокъ!? А все отчего? Отъ вольнодумства! Узды никакой на его мысли вольныя нѣтъ, вотъ онъ и знать никого не хочетъ!...

— Умное ты слово сказалъ, баринъ! отвѣчаетъ чортъ.—Умное слово! Надо это дѣло обдумать.

Сталъ чортъ снова думать. Даже облысѣлъ отъ думъ; да зато выдумалъ—попа! Убралъ его въ рясу, отростилъ ему гриву, обучилъ говорить по книжному, глаза далъ завидущіе, руки загребущіе, а языкъ елейный: какъ подниметъ очеса горѣ, да вздохнетъ, да заговоритъ отъ писанія, — ну вотъ святой, да и полно,—просто, живой на небо лѣзетъ!

Посмотрѣлъ чортъ на свое третье созданіе, да какъ захохочетъ! Такъ захохоталъ, что въ болотахъ всѣ лягушки заквакали, въ облакахъ всѣ воронья закаркали, а въ чащѣ всѣ змѣи зашипѣли!

Попъ-же затѣнилъ глаза рукой и давай высматривать. Поглядѣлъ туда, поглядѣлъ сюда—видитъ: ровно букашка вдали ползаетъ... У него и глаза загорѣлись, и дыханье въ зобу сперло: сейчасъ узналъ, что то мужикъ землю пашетъ. Подобралъ подолъ, да рысью какъ дернетъ — насилу и чортъ за нимъ поспѣлъ!

Не добѣгая до мужика, попъ остановился. Оправилъ рясу, разгладилъ бороду, принялъ постный видъ и пошелъ степеннымъ шагомъ.

— Здравствуй, сынъ мой! говоритъ.—Да будетъ благословеніе мое на трудѣ твоемъ!

— Благодарствуйте, батюшка, отвѣчаетъ мужикъ.

Постоялъ попъ, помолчалъ, поглядѣлъ на пахоту умильными глазами...

— Въ потѣ лица своего снискиваешь хлѣбъ свой! заговорилъ опять;—доброе дѣло; трудись, трудись, Богъ труды любитъ... А много ли въ закромахъ у тебя?

— Да слава Богу, четвертей съ тысячу всякаго хлѣба наберется!

— Ишь ты! сказалъ попъ и слюнки проглотилъ.— И въ скирдахъ, чай, есть?

— Двѣсти скирдъ ржи, да двѣсти пшеницы, да ячменю сто.

— Ишь ты!! громче прежняго воскликнулъ батюшка и даже крякнулъ отъ зависти. — Я, чай, и конопля, и ленъ, и медъ есть?

— Какъ не быть. Хозяйство у меня полное: и скотина, и курочка, и то, и се. Работаемъ, вѣдь; такъ не изъ дому, а въ домъ.

— Такъ, такъ, такъ! Это правильно. Ну, а о душѣ своей помышляешь-ли? Соблюдаешь-ли себя отъ грѣха?

— Какъ-же, батюшка, стараемся. Живемъ мы со старухой мирно; вздору этого промежъ насъ, или, недай Господи, боя,—нѣтъ. Скотинку мы не обижаемъ, мать-сыру-землю обряжаемъ въ лучшемъ видѣ. За трудами—о грѣхѣ и думать некогда.

— Ну, этого, сынъ мой, недостаточно. Вотъ къ тебѣ хорошій человѣкъ приходилъ, цѣну тебѣ за

твое добро предлагалъ, а ты ему въ жадности своей, ничего не продалъ! Это не по христіански!

— Помилуйте, батюшка, что-же тутъ худого? Я не продалъ, оттого что изъ этой продажи одинъ бы только грѣхъ вышелъ. Это онъ жадничаетъ на чужое добро, потому самъ работать не хочетъ. А я не то-что жадничать,—а даромъ ему сколько добра далъ, чтобы онъ съ голоду не подохъ: все, вѣдь, человѣкъ; такъ, быдто, жалко.

— И барина ты не слушаешь,—опять сталъ усовѣщевать попъ;—а онъ вѣдь отъ самого Господа Бога выше тебя поставленъ, владѣльцемъ земли сей! Въ писаніи то что сказано?

— А что тамъ сказано? полюбопытствовалъ мужикъ.

— А сказано, сынъ мой, тако: „нѣсть бо власти, аще не отъ Бога!"

— Да онъ какая же надо мною власть? Кабы я его надъ собою поставилъ; ну, въ тѣ-поры былъ бы онъ, точно, власть. А то этакъ-то, пожалуй, и я штиблеты надѣну, да и стану надъ нимъ верховодить: дескать, я надъ тобою власть? А что насчетъ земли, такъ опять же я ему не препятствую. Пущай къ міру пристаетъ, да и пашетъ на здоровье. А то вѣдь онъ — робить не охочъ, а землю ему подай! На кой она ему прахъ?!

„Вотъ какой дьяволъ!" подумалъ попъ про мужика; „на всякое твое слово онъ свой резонъ найдетъ!"

— По крайности, приносишь ли жертвы Богу? спросилъ онъ громко.

— А зачѣмъ ихъ приносить? Нешто Господь въ моихъ жертвахъ нуждается? Что я могу дать Господу, чего-бы онъ самъ не могъ однимъ словомъ своимъ создать?

„Вишь ты, аспидъ какой!" снова подумалъ про себя батюшка, потому что ничего на мужиковы слова не могъ отвѣтить. Но тутъ къ нему чортъ подоспѣлъ на помощь.—„Скажи ему", зашепталъ чортъ попу на ухо, „что, можетъ, и не нуждается, да мужику-де слѣдуетъ усердіе свое показать".

— Вотъ, сказалъ громко батюшка мужику,—ты говоришь, Господь не нуждается. Положимъ, что и не нуждается, а все-же, еслибы ты жертву принесъ, то усердіе бы свое показалъ.

— Да какую жертву-то? Какъ я ее принесу?

— А вотъ ты-бы мнѣ десятинку отъ достатка своего далъ, а я бы за тебя помолился.

— А зачѣмъ за меня молиться? Ежели я по божески живу, то вотъ мое и оправданіе; а ежели я живу неправедно, нешто мои неправедныя дѣла станутъ лучше отъ твоихъ словъ?

Опять попъ ничего не могъ на это отвѣтить; да и самъ чортъ задумался. Съ тѣмъ они и ушли.

Вотъ и давай кулакъ, да баринъ, да попъ чорта втроемъ жучить: ты-де насъ сотворилъ, ты и корми; либо выдумай, какъ мужика въ хомутъ запречь, либо мы тебя самого запряжемъ;—на тебѣ и пахать, и ѣздить будемъ!

Испугался чортъ. „Погодите", говоритъ, „господа почтенные, я къ тетенькѣ сбѣгаю—Бабой-Ягой зовутъ; она много меня ядовитѣй будетъ; ужъ она что нибудь придумаетъ".

Побѣжалъ онъ, доложилъ ей.

„Этому дѣлу пособить не трудно", прохрипѣла Баба-Яга. Развела она огонь и давай на человѣчьемъ черепѣ своими клыками гвоздь ковать. А выковавши, даетъ его чорту. „Возьми", говоритъ, „этотъ гвоздь и вбей его мужику въ голову; и засядетъ въ его головѣ гвоздемъ вѣра въ поповскія рѣчи про божественное". Обрадовался чортъ. Ухватилъ гвоздь, чмокнулъ тетеньку въ ножку и подралъ назадъ. Добѣжалъ до мужичьей избы—ужъ глухая ночь настала, и какъ время стояло теплое—мужикъ спалъ на дворѣ. Подкрался къ нему чортъ, затаивши духъ, приставилъ гвоздь къ мужичьему темени,— какъ стукнетъ по шляпкѣ копытомъ—гвоздь такъ и вошелъ.

На слѣдующій день снова отправился попъ къ мужику.

— Что-же, говоритъ, — раздумался ли за ночь, грѣшникъ нераскаянный? Понялъ-ли, что безъ молитвенной помощи будешь ты на томъ свѣтѣ горячую сковороду лизать?

Испугался мужикъ; потому что страхъ того, „что на томъ свѣтѣ будетъ", засѣлъ уже гвоздемъ въ его мозгу. Что именно тамъ „будетъ", онъ и самъ не зналъ, но тѣмъ страшнѣе ему казались поповскіе страхи. Почесалъ онъ затылокъ... „Что жъ",

говоритъ, „я съ моимъ удовольствіемъ... Отдамъ тебѣ десятину отъ всего своего достатка; только ужъ ты похлопочи обо мнѣ“.

— Да ужъ будь покоенъ, сынъ мой. Я, яко пастырь добрый, о тебѣ денно и нощно пещись буду. Самолучшія молитвы и акафисты за тебя отчитаю и не дорого возьму: которые рубль за штуку стоятъ, а тебѣ всего по сорока копѣекъ придутся. Бѣлѣе снѣга на тотъ свѣтъ явишься. А какъ не вѣсте убо ни дня, ни часа, въ онь-же смерть пріидетъ, то и не станемъ мы время золотое терять. Пойдемъ къ тебѣ во дворъ, сейчасъ и выдѣлишь мнѣ Господню десятинку.

Пошли. Перво-на-перво стали хлѣбъ мѣрять.

— Семъ-ка, говоритъ попъ мужику,—ты мѣряй, а я стану на стѣнѣ мѣлкомъ отмѣчать.

Вотъ, что мужикъ одну мѣру опрокинетъ, а попъ двѣ черточки и поставитъ. Мѣрили-мѣрили, намѣрили двѣ тысячи сорокъ четвертей.

— Чтой-то, говоритъ мужикъ,—больно много!

— А это, отвѣчаетъ, попъ, Господь тебѣ за твою добродѣтель умножилъ: чудо совершилось ради того, что ты жертву принесъ!

Усмѣхнулся тутъ мужикъ себѣ въ бороду. „Выгодно“, думаетъ, „добродѣтельнымъ-то быть!“ Отмѣрилъ онъ батюшкѣ двѣсти четыре четверти хлѣба, глядитъ—вовсе его хлѣбный запасъ уменьшился. Почесался онъ.

— Чтой-то, — говоритъ, ровно бы мало у меня самого осталось.

— А это, отвѣчаетъ попъ, — потому, что ты мыслями возгордился; Господь тебя и наказалъ!

Насупился мужикъ, да нечего дѣлать. Пошли они остальное добро дѣлить. Все подѣлили, одна скотинка осталась. У мужика было двадцать коровъ да быкъ; десять кобылъ, одинъ жеребецъ, сорокъ овецъ да баранъ. Онъ и говоритъ попу: „Возьми у меня двѣ коровы, да лошадь, да четыре овцы. А вотъ скотина моя телиться, да жеребиться, да котиться начнетъ, я тебѣ тогда еще теленочка, да жеребеночка, да барашка дамъ за тотъ лишекъ, что у меня теперь остается“.

— Э, нѣтъ, отвѣчаетъ попъ.—Мнѣ сейчасъ надо ты самъ обѣщалъ десятую часть ото всего. Мнѣ лишняго не надо, а что обѣщалъ, то мое. Нѣтъ, сынъ мой, ты отрѣжь мнѣ десятую часть быка, и жеребца, и барана,—вотъ что!

— Что ты, батька, воззрился на него мужикъ.— Никакъ ты ума рѣшился?! Вѣдь этакъ ни у меня, ни у тебя потомъ приплоду не будетъ! Тебѣ-же убытокъ! Какъ хочешь, а я рѣзать не стану!

Куда тутъ! Завопилъ попъ на весь міръ, ровно его самого рѣжутъ. Такъ и наскакиваетъ на мужика: „Ты“, кричитъ, „клятвопреступникъ! Отцу своему духовному торжественное обѣщаніе далъ, а теперь и на попятный?! Я тебя, еретика, коли-то, анафемѣ предамъ!!“

— Да помилосердствуй, батюшка, какую околесицу несешь! урезониваетъ его мужикъ; — видно отъ жадности ты и разумъ потерялъ. Вѣдь это кого

хочешь спроси, всякій тебѣ скажетъ, что и мое, и свое хозяйство ты разорять хочешь!

— Коли ты такъ увѣренъ въ гордынѣ ума своего, что „всякій скажетъ",—давай тогда судиться. Пусть насъ баринъ разсудитъ.

— Такъ что-жъ? И пущай. Какой онъ ни на есть баринъ, — все, чай, сколько нибудь разсудку въ головѣ у себя наскребетъ.

На томъ и порѣшили.

Вотъ пришло судбище. Баринъ, значитъ, въ судьяхъ, а кулака въ свидѣтели позвали. Обслушалъ баринъ истца и отвѣтчика, надѣлъ на носъ очки, погрызъ перо, поглядѣлъ вверхъ, крякнулъ, да и говоритъ—таково важно:

— Усмотрѣлъ я, что раздоръ вышелъ промежъ васъ, отецъ Псой Сукинъ, да тобою, крестьянинъ Иванъ Простой. И вышелъ онъ изъ-за быка, да жеребца, да барана, которыхъ не можете вы между собою подѣлить. Поэтому, дабы возстановить между вами миръ, опредѣляю я: подавшія поводъ къ раздору три скотины у Ивана Простого отобрать и отдать *мнѣ* въ полное и потомственное владѣніе...

Едва успѣлъ баринъ это проговорить, какъ попъ замахалъ руками, замоталъ головой, и завопилъ благимъ матомъ:

— Что такое?! Отцы — святители! Моя скотина, а онъ себѣ присуждаетъ! Это грабежъ, дневной грабежъ!..

Но тутъ чортъ приникъ къ попову уху и давай шептать:

„Молчи ты, мое созданіе! Этакъ лучше, какъ баринъ постановилъ. Онъ своего быка и жеребца и барана къ твоей скотинкѣ даромъ будетъ припускать; а тебѣ прямая выгода, чтобы и онъ оперился. Вамъ надо дружно между собою жить; а безъ того вамъ мужика ни въ жизнь не одолѣть".

Послушался попъ, угомонился, а баринъ опять заговорилъ:

— Еще усмотрѣлъ я, что крестьянинъ Иванъ Простой въ спорѣ со священникомъ Псоемъ Сукинымъ говорилъ грубыя и бездѣльныя рѣчи, за что и подлежитъ онъ наказанію ста ударами розогъ. Подрядъ на поставку сихъ розогъ отдать, по справочнымъ цѣнамъ, третьей гильдіи купцу Варвару Вымотаеву, и ему же поручить приведеніе сего рѣшенія въ исполненіе. Судебныя же издержки и по уплатѣ за розги взыскать съ отвѣтчика Ивана Простого.

— У меня, ваше благородіе, розочки ужъ припасены: семь возочковъ изъ лучшей березы! проговорилъ тутъ кулакъ, выскакивая впередъ, и потомъ, повернувшись къ мужику съ пріятельской улыбкой, кивнулъ головой въ ту сторону, гдѣ были розги и проговорилъ торопливо:

— Пойдемъ, братанъ, драть буду!

— Я вашимъ судомъ недоволенъ! закричалъ мужикъ.—Что такое? Я жаловаться буду! Скопію мнѣ давайте.

— Теперь ложись, а копію потомъ получишь, отвѣтилъ баринъ.

Ухватились тутъ за мужика — кулакъ съ одной стороны, попъ съ другой; даже баринъ соскочилъ со своего судейскаго мѣста, поймалъ его за воротъ и поволокли раба божія драть... Но тутъ ужъ мужикъ вышелъ изъ всякаго терпѣнія, и какъ былъ онъ въ тѣ поры всѣхъ ихъ сильнѣе, то полетѣли его мучители другъ черезъ дружку, ровно чурки! Летѣли, летѣли, да всѣ трое въ болото — шлепъ!

Хорошо—мягко упали, не ушиблись.

Вотъ вылѣзли они изъ болота, пообчистили другъ дружку, пообсохли и давай совѣтоваться, что теперь дѣлать. Одначе, сколько ни ухитрялись, видятъ, что своими силами имъ никакъ съ мужикомъ не справиться. Позвали чорта на совѣтъ: «Выдумывай!»

— Нѣтъ, отвѣчаетъ чортъ,—не моего ума дѣло! Ужъ я все выдумалъ, что умѣлъ—вотъ васъ троихъ на свѣтъ произвелъ. А нужно вамъ, опять-же, къ тетенькѣ, къ Бабѣ-Ягѣ удариться. Ужъ ежели она вамъ не поможетъ, такъ никто не поможетъ.

Пошли они. Видятъ—сидитъ Баба-Яга-Костяная-Нога; клыки въ землю уставила, глаза ровно оловянныя тарелки;—такъ ими и ворочаетъ: а сама причитаетъ: „Охъ, поѣла-бы я мясца ребячьяго, да нѣту! Запила-бы слезами человѣчьими, да негдѣ взять!...“

Поклонились ей наши паломники, стали противъ мужика помощи просить. Выслушала она ихъ, да какъ захохочетъ—даже съ деревьевъ всѣ листочки

посыпались, въ рѣкахъ всѣ рыбки на дно ушли и всѣ звѣри въ норкахъ притаились!

— Давно я васъ свѣтики, дожидаюсь, зарычала Баба-Яга;—Какъ не помочь! Теперь у меня будетъ чего и наѣсться. и напиться!... Идите вы на полночь и увидите вы гнилую дуплистую осину. Тамъ въ дуплѣ ядовитая змѣя яйцо снесла, да ее соколъ третьяго дня исклевалъ. А вы то яйцо возьмите и высиживайте тридцать шесть лѣтъ; и вылупится вамъ такое чадушко, что лучше и не надо!

Поклонились наши паломники Бабѣ-Ягѣ, пошли. Нашли осину, видятъ — точно. лежитъ въ дуплѣ зеленое яйцо, а на немъ черныя ядовитыя письмена, и идетъ отъ него смрадъ. Взяли они бережно то яйцо, положили въ мохъ и давай по очереди высиживать: одинъ на яйцѣ сидитъ, а другіе двое его кормятъ.

Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Тридцать шесть лѣтъ — не малый срокъ: кулакъ, не имѣя все это время никого, кто бы на него работалъ, и не получая отъ своего капитала никакой пользы, высохъ, какъ щэпка, въ чемъ только душа держится, попъ успѣлъ облысѣть, а баринъ себѣ даже мозоли сзади натеръ, потому что былъ нѣжнаго воспитанія... А все-жъ и этотъ срокъ прошелъ, и какъ случилось въ то время попу на яйцѣ сидѣть почувствовалъ онъ, ровнобы его что снизу покалываетъ... И завопилъ онъ благимъ матомъ: „Вылупливается!!“

Прибѣжали баринъ и кулакъ, стали всѣ трое вокругъ яйца и глядятъ, что будетъ? А оно раскололось и изъ него вышелъ—ни много, ни мало — царь! Готовый совсѣмъ: на головѣ корона, въ одной рукѣ держава, въ другой скипетръ, на плечахъ мантія бархатная, горностаемъ подбита, а подъ нею генералъ-адъютантскій мундиръ, да красные штаны; глаза стеклянные. сердце резинное, зубы острые, руки шустрыя, а утробѣ и дна нѣтъ!..,

„Вотъ такъ такъ!“ закричали въ одинъ голосъ и баринъ, и попъ, и кулакъ; „этотъ намъ поможетъ, этотъ оборудуетъ!“ – и всѣ трое земно поклонились новорожденному. А новорожденный повелъ кругомъ стеклянными глазами, вынулъ изъ кармана ножикъ, велѣлъ подать себѣ сухонькаго дерева и давай изъ него строгать солдатиковъ,—таково живо! Настрогалъ всѣхъ сортовъ множество и выстроилъ по лѣвую руку: тутъ и пѣхота, тутъ и кавалерія, тутъ и жандармы, и полицейскіе, и казаки! Потомъ велѣлъ подать себѣ перегною и давай изъ него лѣпить придворныхъ барышень. Налѣпилъ—числа нѣтъ, и поставилъ по правую руку. Дунулъ, плюнулъ—они и пошли!

— Вотъ, говоритъ царь,—солдаты мнѣ служить будутъ, а съ дѣвочками я забавляться стану. И тебѣ, (говоритъ барину) если вѣрнымъ мнѣ слугой будешь, одну, которая похуже, дамъ.

— А намъ? закричали попъ да кулакъ.

— Ну, и вамъ. Нужно будетъ, я и васъ не остав-

лю; только, чуръ, смотрите, служить мнѣ вѣрой и правдой!

Повеселѣли тутъ всѣ трое и крикнули дружно: „Рады стараться вашему императорскому величеству!“ А солдатики услышали, да какъ заревутъ и себѣ: „урррa-a-a!“ Тутъ его величество повелъ опять стеклянными глазами, и говоритъ:

— Теперь ведите меня во дворецъ, я послѣ трудовъ закусить и выпить желаю!

Переглянулись между собою баринъ съ попомъ, да съ кулакомъ и наконецъ баринъ докладываетъ.

— Дворца, осмѣлюсь доложить, никакого нѣтъ, потому что мужикъ бунтуетъ и ничего ни строить, ни дѣлать не хочетъ!

— Что?!! завизжалъ царь, инда покраснѣвъ съ натуги;—не хочетъ работать мужикъ? Привести его сейчасъ предъ мои царскія очи!

— Осмѣлюсь доложить вашему царскому величеству—не пойдетъ онъ. Не слушается...

И-и-какъ завизжитъ, какъ затопаетъ его величество ногами, какъ забарабанитъ кулаками по колѣнкамъ! Потомъ вдругъ остановился и говоритъ барину: „Подойди сюда!“

Тотъ подошелъ.

— Жалую тебя, говоритъ царь, — отнынѣ въ исправники. Вотъ тебѣ мундиръ, и шашка, и шапка съ околышемъ и можешь ты теперь дѣлать съ мужикомъ, что хочешь. Бери роту солдатъ, да свору полицейскихъ, ступай, расправляйся съ нимъ.

Обрадовался баринъ; подбѣжалъ къ ротѣ, сейчасъ: „налѣ-во-о кругомъ ма-р-ршъ!“ — Лѣвой-п равой, лѣвой-правой! разъ, два! разъ, два!

Поровнялись съ царемъ, сейчасъ: „глаза на пра-а-во“!... идутъ мимо, грудь выпячена, нога вытянута, сами орутъ, сколько легкихъ хватаетъ: „урррраа!“ За ними полицейскіе маршируютъ, еще того громче „уру“ кричатъ.

Привелъ исправникъ свои отряды къ мужичью поселку и выстроилъ передъ избами. Время лѣтнее было, такъ самъ мужикъ въ ту пору на вольномъ воздухѣ обѣдалъ съ семьей: за тридцать то шесть лѣтъ, пока баринъ, да попъ, да кулакъ царя высиживали, во-какая семья у него народилась: ужъ въ десяти избахъ едва помѣщаются!

Подошелъ исправникъ къ мужику: „давай“ говоритъ „подати“.

Всталъ мужикъ не торопясь, обтерся, на солнышко перекрестился, поглядѣлъ на барина; а на томъ пуговицы блестятъ, канты краснѣютъ, шашка позвякиваетъ. Смѣшно мужику стало. „Это куда-же“, говоритъ, „собрался—воронъ, что-ли пугать—этакъ вырядился!“

— Нѣтъ, не воронъ! Я теперь и на тебя холоду нагоню. Ты мужикъ-дуракъ, того не понимаешь, что это—форма: стало быть — царскій знакъ и милость. Я къ тебѣ отъ царя присланъ, его именемъ дѣйствую и не можешь ты меня ослушаться. Давай подати!

— А много надо?

— Тысячу милліоновъ рублей.

Смѣшнѣе прежняго мужику стало.

— Что больно мало? говоритъ;—ты проси больше, все равно ничего не дамъ.

— Будетъ и больше, рычитъ исправникъ.—Еще за тобой недоимка.—Такая: платилъ-ли ты отродясь до сихъ поръ?

— То-то, не платилъ, отвѣчаетъ Иванъ, а самъ смѣется.

— Вотъ видишь! Между тѣмъ, какъ ты есть крестьянинъ, стало-быть податного званія человѣкъ, то долженъ ты былъ все время платить. Ты давно-ли на свѣтѣ живешь?

— Да ужъ, поди, седьмой десятокъ вчерась пошелъ.

— Вотъ видишь! И выходитъ, долженъ ты за шестьдесятъ лѣтъ недоимку заплатить.

Вынулъ тутъ исправникъ изъ-за обшлага бумагу и сталъ вычитывать, и вычиталъ онъ за Простымъ восемьсотъ девяносто тысячъ рублей недоимки.

— Не помалу-же твой царь глотаетъ, замѣтилъ Иванъ.

— А ты думаешь, неумытое твое рыло, царь какъ ты же — солому ѣстъ, рогожей укрывается? Ему, можетъ, одного шампанскаге больше надо, чѣмъ любой изъ твоихъ щенятъ стоитъ! Ты хоть-бы то подумалъ: во сколько войдетъ этихъ молодцовъ поить-кормить, одѣвать-обувать, да еще и оружіе имъ дать!

Посмотрѣлъ мужикъ на солдатиковъ да полицейскихъ.

— Да, говоритъ,—не мало, должно быть, добра на нихъ изводится. Только, какъ не я ихъ выдумалъ и мнѣ они не надобны, то и платить я за нихъ не намѣренъ.

— Какъ ты смѣешь, свиное твое отродье, такія слова говорить?! пуще прежняго заоралъ исправникъ;—да я тебя...

Надоѣло наконецъ мужику. Пересталъ смѣяться.

— Ты не больно ори-то, говоритъ онъ исправнику;—неравно съ крику брюхо лопнетъ, а барыня-то твоя шить, поди, не умѣетъ, зашить-то и некому будетъ.

Позеленѣлъ тутъ исправникъ. Оборотился къ ротѣ:

— Взять его подъ стражу!

Сейчасъ фельдфебель съ четырьмя солдатами бѣглымъ шагомъ — маршъ: вязать мужика. Налились у Ивана глаза кровью, заиграла силушка по жилочкамъ; схватилъ онъ оглоблю, какъ махнетъ вправо—фельдфебеля пополамъ перешибъ. Махнулъ влѣво — исправнику то же бы было, да случилось чорту впереди стоять—очень ужъ любопытно ему было узнать, чѣмъ все кончится. Пришлась оглобля по чорту, ровно-бы по надутому пузырю. Ударился чортъ въ исправника и понеслись оба по воздуху, словно перья. А Иванъ съ оглоблей все наступаетъ. Дрогнули солдатики безъ начальниковъ; дрогнули

и побѣжали. И остался Иванъ Простой попрежнему хозяиномъ своего трудового добра.

Вотъ летитъ чортъ день, и два, и три. Ужъ исправникъ давно въ чащу упалъ: а чортъ все летитъ. Долетѣлъ онъ наконецъ до самой Бабы-Яги. Докладываетъ ей: такъ и такъ, никакого съ мужикомъ сладу нѣтъ!

— Этому дѣлу помочь не трудно, отвѣчаетъ Баба-Яга.—Подкарауль мужика, когда онъ будетъ на молитвѣ и уворуй у него сердце. Тогда съ нимъ можно будетъ дѣлать, что угодно.

А чорту не трудно было это сдѣлать, потому что съ того времени, какъ былъ мужику вбитъ гвоздь въ мозгъ, сталъ онъ частенько молиться. Раньше то Иванъ вѣровалъ въ добрыя дѣла, въ честную, добрую, трудовую жизнь, а теперь, съ поповскихъ словъ, сталъ вѣрить въ силу молитвы: дескать, какъ ни живи, что ни дѣлай, всякій грѣхъ отмолить можно; только усерднѣй поклоны бей. Вотъ и сталъ чортъ караулить. Какъ только упалъ Иванъ на колѣни, сдѣлалъ земной поклонъ—ничего ему и не видать, стало быть — чортъ прыгнулъ ему въ лѣвое ухо, ухватилъ сердце и черезъ правое— назадъ! И почувствовалъ Иванъ Простой, какъ у него вдругъ душа въ пятки ушла и сталъ онъ съ тѣхъ поръ объ себѣ полагать, какъ объ самомъ послѣднемъ человѣкѣ. А чортъ въ ту-жъ минуту— къ исправнику: „Ступай“, пищитъ, „мужика раздѣлывай! Не опасайся — ничего тебѣ теперь не будетъ!“

Собралъ исправникъ свою команду—пошелъ. А мужикъ, какъ завидѣлъ гостей, такъ у него и поджилки задрожали. За версту еще шапку снялъ.

Подошелъ исправникъ, бѣлками ворочаетъ.

— А, теперь—и шапку ломать! Нѣтъ, братъ, я теперь съ тобой по свойски раздѣлаюсь. Оцѣпить всю деревню! крикнуль онъ во всю глотку.

Стоитъ Простой ни живъ, ни мертвъ. „Господи", думаетъ, что-же это теперь будетъ?! Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его!"

Тѣмъ временемъ изъ избы вышла Иванова старуха; повысыпали сыновья съ бабами и все потомство. Иные схватились было за дубины, но Иванъ самъ закричалъ на нихъ, ступилъ шагъ впередъ и повалился исправнику въ ноги. Потомъ обернулся къ своимъ и крикнулъ: „Просите начальство!" И вотъ вся толпа тоже стала на колѣни и всѣ заголосили слезными голосами: „прости, батюшка, дурость нашу! Прости и помилуй!" А исправнику только того и надо: что больше народъ въ ногахъ ползаетъ, то больше у него глаза разгораются. „А", кричитъ, „теперь „помилуй!" А ты оглоблей-то много миловалъ? Нѣтъ, я теперь вамъ, чортовымъ кукламъ, покажу Кузькину мать! Вы у меня узнаете, откуда ноги растутъ!"

И-и, что тутъ только было! Пущены были въ ходъ и нагайки, и веревки, и приклады. Избили всѣхъ, перевязали, а потомъ давай драть. Цѣлыхъ четыре дня драли. Даже ребятишекъ всѣхъ, которые старше семи лѣтъ, и тѣхъ перепороли. А потомъ

ужъ порядокъ извѣстный: переписали все имущество и давай продавать съ молотка за безцѣнокъ. Кулакъ все и купилъ. То есть это снаружи такъ, ровно бы кулакъ все купилъ, а на самомъ то дѣлѣ черезъ него частицу и баринъ, и попъ купили. Мужикъ-же со всею семьею остались нищими, а недоимки всей все-таки не уплатили. Оставили мужику только одну избу похуже, да что на плечахъ было, да соху съ бороной, да нищенскій надѣлъ (остальная земля барину да кулаку отошла!): паши молъ и борони на себѣ, а не то старуху со снохой запряги!

Ужъ неизвѣстно, долго-ли бы этакъ убивался Иванъ только чуетъ — кто-то его за рукавъ дергаетъ. Отеръ Иванъ кулакомъ слезы, поднялся— видитъ, а передъ нимъ опять тотъ-же кулакъ Варваръ Вымотаевчъ стоитъ, „Ахъ“, говоритъ, „братанъ! Ужъ и жалко-же мнѣ тебя было! Ахъ жалко! Невѣжливо съ тобой поступили; прямо будемъ говорить,—неосновательно это дѣло! Да что подѣлаешь?—начальство! Супротивъ него не пойдешь. И такъ опять скажемъ: сила на нихъ сторонѣ... Да ты не горюй! *Я* тебѣ опора! Ты думаешь, старая хлѣбъ-соль забывается? У кого, можетъ, и забывается, а у меня нѣтъ. Нѣтъ, братъ, я не забылъ, какъ ты мнѣ въ нуждѣ помогъ. Теперь *я* не забылъ.

— Ой-ли? говоритъ мужикъ и ожилъ весь, а съ

нимъ и вся семья ожила; стала шушукаться: свѣтъ, молъ, не безъ добрыхъ людей!

— Я тебѣ это какъ на ладонкѣ все выложу! Смотри сюда. Перво наперво: видишь ты, вонъ, дымокъ изъ за лѣса вьется? А вонъ другой, а вонъ третій? Это, видишь ты, я фабричекъ, признаться, понастроилъ... Ну, вотъ, какъ хозяйство у тебя теперь уменьшилось, ты ко мнѣ двѣнадцать своихъ сыновей съ семьями на фабрички и отпусти. Одно дѣло—рты у тебя съ хребта долой; другое дѣло—я имъ деньги платить буду!

— А много-ли положишь? спрашиваетъ мужикъ.

— Господи Боже ты мой! закричалъ кулакъ;— да неужьто-жъ я ихъ обижу, миляй!? Ахъ, ты, чудакъ-мужикъ, ей Богу! Что же я безъ креста, что-ли? А?

— Ну, ладно, говоритъ Простой; — стало быть, положишь по божески!

— Не иначе-же. Теперь на счетъ хозяйства. Теперь вѣдь съ одной своей земли не прокормиться особенно при податяхъ:

— Гдѣ ужъ! Дай Богъ свой-то хлѣбъ до Рождества дотянуть.

— Вотъ видишь! Придется тебѣ, стало быть, у у барина землю снимать.

— А на какія деньги? говоритъ мужикъ.

— Зачѣмъ деньги? Деньги не понадобятся. Я за тебя у барина похлопочу, чтобы онъ тебя не нудилъ деньгами.

— Вотъ спасибо тебѣ! Дай тебѣ Отецъ Небесный, Владычица Всевышняя, загудѣла вся семья.

— Какъ-же, похлопочу. Я, братъ, къ тебѣ всей душой, вотъ какъ! Я, значитъ, и похлопочу, чтобы баринъ тебѣ землю за двѣ трети урожая отдалъ...

— Ровно бы тяжеленько: моя вся работа, а ему двѣ трети урожая отдай! А за что? говоритъ мужикъ.

— А ты думаешь, баринъ помилуетъ? Нѣтъ, братъ, на его милости рта не разѣвай. Ты слушай дальше. Нужна тебѣ будетъ теперь скотинка. Такъ я тебѣ ее въ долгъ дамъ..,

— Вотъ награди тебя Христосъ! опять загудѣли крестьяне.

— Какъ-же, одолжу, потому какъ я къ тебѣ всей душой. Коней, значитъ, по пятидесяти рублей, коровъ по тридцати, а овецъ по три рубля штука.

Зачесался тутъ мужикъ.

— Дорогонько-же однако, робко промолвилъ онъ.

— Дуракъ! закричалъ Вымотаевъ.—Ты погляди, какая скотина! Кони — аки львы, коровы — одно вымя! ..

— Такъ нешто я не знаю: моя, вѣдь, скотинка-то. Я ее выростилъ и выкормилъ. Да не въ томъ; а что вѣдь по семи рублей ты коня купилъ, по три рубля телку!...

— Мало-ли чего! А безпокойства-то сколько? Можетъ у меня объ тебѣ, да объ ей все сердце изболѣло, пока я ее купилъ? То-то вотъ и есть! Ты бы еще долженъ за благодѣтеля меня считать потому что безъ меня тебѣ-бы теперь—ложись да помирай, только и всего! А ты вотъ не чувствуешь.

Вздохнулъ мужикъ, молчитъ. А кулакъ такъ надъ душою и стоитъ: „принимаешь мои условія, или нѣтъ? А не то, вѣдь я и уйду: околѣвай, коли охота!"

Погуторила между собой Иванова семья. „Что-жъ", говорятъ, „и то, безъ ссуды намъ-бы не иначе, какъ помирать пришлось; а теперь все таки хоть зацѣпиться есть за что". Ну, повеселѣли, значитъ; поклонились Вымотаеву земно „спасибо!"

А Вымотаевъ погладилъ брюхо, да и говоритъ: „Я, братаны, завсегда съ моимъ удовольствіемъ. И чтобы вамъ показать, сколь я васъ жалѣю,— жертвую я вамъ угощеніе. Даве, какъ тутъ побоище было, я всѣ крестьянскія-то слезы аккуратно собралъ, да дома черезъ кубъ перегналъ — знатная водка вышла, такъ и жжетъ. Такъ вотъ я этой самой водки жертвую вамъ четверть ведра на угощеніе!“

Пуще прежняго повеселѣли и мужики, и бабы. Стали они водку пить, стали съ той водки хмелѣть. Что больше хмѣлѣютъ, то больше кулака благодарятъ.

На другой день встали поутру: головы съ водки трещатъ, а опохмѣлиться нечѣмъ! Иные изъ Ивановыхъ сыновей, которымъ шибко ужъ не въ терпежъ стало,—стреканули по задворкамъ къ Вымотаеву (а у него ужъ и кабакъ на отшибѣ открытъ!) Кто паневу женину стащилъ, а кто въ долгъ, ужъ за собственный счетъ, выпросилъ. А самъ Вымотаевъ опять погодя, на поселокъ пришелъ.

— Ну, говоритъ, — пора всякому за свое дѣло. Только я люблю, чтобы все съ молитвой, да съ благословеніемъ; и тебѣ, Иванъ, совѣтую. Ты бы батюшку пригласилъ молебенъ отслужить, оно бы то и лучше.

— Да вѣдь, чай, не станетъ даромъ служить, замѣчаетъ Простой.



— Онъ тебѣ благодать и въ долгъ повѣритъ, вразумилъ его кулакъ.

Такъ, значитъ, и сдѣлали.

И остался мужикъ съ той поры у всѣхъ въ долгу: и у кулака, и у попа, и у барина, и у царя.

P. S. *О томъ, какъ мужикъ скинулъ всѣ эти долги со своего горба, будетъ со временемъ особая сказка.*

---